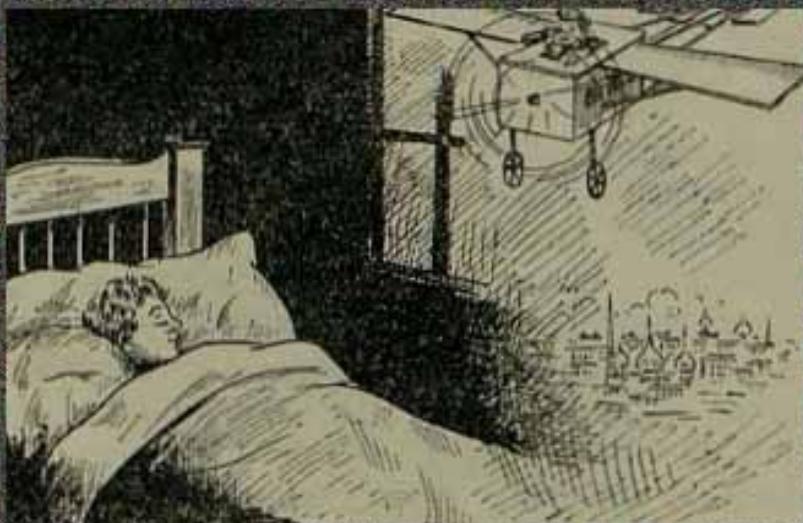

[Polaris]

"Авиатор"

НА ЛУНУ!

Веселое путешествие
отчаянных шалунов

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXI

Salamandra P.V.V.

Авиатор

НА ЛУНУ!

**Веселое путешествие
отчаянных шалунов**

(Сказка, похожая
на быль)

Salamandra P.V.V.

Авиатор.

На Луну!: Веселое путешествие отчаянных шалунов (Сказка, похожая на быль). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 75 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXI).

В книжке представлен любопытный образчик дореволюционной детской фантастики: маленькая повесть «На Луну!», написанная в 1914 г. неизвестным автором, публиковавшимся под псевдонимом «Авиатор». Повесть печаталась на протяжении 1914 года в московском журнале «Для наших детей».

ЯНВАРЬ

1914 г. №1

ДЛЯ НАШИХЪ ДѢТЕЙ

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

Авиатор

НА ЛУНУ!

**Веселое путешествие
отчаянных шалунов**

(Сказка, похожая на быль)

Путешествіе на луну.

Пришел конец мая и ребят распустили из школы отдыхать на все лето.

Задали, конечно, и на каникулы кое-какие работы, да о них ли теперь думать? Книжки за зиму так надоели, что и не глядел бы на пах!

— Нет, надо придумать что-нибудь поинтереснее всяких книжек,— рассуждал Вася Куликов, весело возвращаясь домой из школы, в последний раз в этом учебном году.

Нужно сказать, что Вася Куликов, или просто Кулик, как его звали товарищи, был коноводом в классе и большим затейником.

Учился Вася хорошо, но шалун был отчаянный, и очень часто его балл из поведения бывал на ущербе.

В таких случаях, обыкновенно, призывали его родителей, чтобы через них сделать шалуну должное внушение. Но это помогало мало, потому что родители Васи души в нем не чаяли и очень его баловали.

Так и теперь, Кулик нес домой в своей сумке свидетельство с очень хорошими отметками по разным наукам и не с очень-то жирным отзывом о поведении.

Но это его мало беспокоило, он думал совсем не о том. Как и всегда, он изобретал теперь «штуку», т. е. такую забаву, которая заставила бы ахнуть его друзей-приятелей. А Вася как раз сегодняшним вечером назначил им свидание в роще около своего дома, и надо было что-нибудь придумать удивительное.

— Ничего не придумаешь особенного! — с досадой рассуждал сам с собой Вася, присаживаясь на скамеечку и засовывая в рот оставшийся от завтрака кусок булки: — катанье на лодке, ужение рыбы, даже ловля рыбы бреднем — все это хорошо, да только особенного-то тут ничего нет. Можно, правда, придумать какую-нибудь игру, ну — хоть про то, как Ермак Сибирь покорил. Так ведь и это уж было в прошлом оду, и тогда я же Ермаком был и чуть не утонул, спасаясь от врагов вплавь через реку.

Вася доел булку и нахмурился.

— Вот разве какое-нибудь путешествие устроить? — начал опять рассуждать Вася; — да и это уж было! Ведь прошлой осенью мы втроем с Колей Грешневым и Сережей Буховым, путешествовали в Америку, да так перемерзли, что только до Никольского монастыря и дошли, попросились ночевать, а нас, рабов Божиих, там и сцапали.

Вспомнив об этом, Вася расхохотался во все горло и огляделся вокруг с испугом.

— Хорошо, что никого на бульваре нет, а то еще подумали бы, что я сумасшедший, — сказал мальчик и встал со скамейки.

Вдруг он увидел на другом конце бульвара шумевшую толпу народа. Очень любознательный и охотник до всяких зрелищ, Вася поспешил туда.

— Аэроплан!... аэроплан!... — кричали в толпе и все стояли с поднятыми вверх головами.

Вася посмотрел в небо и увидел огромную искусственную птицу, быстро мчащуюся над городом. Вот она становится все меньше и меньше, наконец, превращается в черную точку и исчезает из глаз.

Вася Куликов хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Нашел! Вот оно: аэроплан! построим аэроплан — и полетим под небеса!

С этими словами Кулик действительно полетел, но только не под небеса, а во весь дух по бульвару домой.

Через несколько минут он был уже дома, сбросил с себя в прихожей пальто и ранец и влетел в столовую, как вихрь.

Родители сидели уже за обедом и с удивлением смотрели на своего любимца.

— Вася! что с тобой! — воскликнула с тревогой мать.

— Отчего ты к обеду опоздал?— спросил отец.

— Я хочу строить аэроплан и летать, как Блерио, как Сантос-Дюмон, как братья Райт и вообще, как птицы! — выпалил Вася одним духом.

Отец откинулся на спинку стула и громко расхохотался.

— Новая штука? — спросил он, продолжая смеяться.

А мать долго глядела на сына широко раскрытыми глазами и потом сказала:

— Ну, уж этому-то не бывать!

— Полно раньше времени волноваться, Верочка, никуда он не полетит, — успокоил ее муж, а потом, обратившись к сыну, спросил: — вот что, милостивый государь, господин будущий Блерио, пока еще вы не успели улететь отсюда, не мешало бы познакомить нас с вашими школьными отметками.

Вася несколько смутился, вспомнив, что там говорилось о его поведении, но все-таки побежал и принес свидетельство, выданное из школы. Отец взял его и прочел вслух.

— Все это прекрасно, — сказал он потом: — успехи в науке отличные, а поведение опять с червоточинной. Знаешь что, Васюк, я тебе скажу откровенно: если ты с будущего года не исправишься, то и на аэроплане своем далеко не улетишь, во всяком случае, не перелетишь на нем даже через свою школу.

Вася сидел смущенный и смотрел в тарелку с супом.

— Ну, уж оставь его, Александр, — заступилась за Васю мать: — дай ему поесть, ведь он проголодался. Да и все же перешел в следующий класс, а к осени, быть может, и поумнеет.

— Надеюсь, что так, — согласился отец и потом обратился к сыну с улыбкой: — так ты хочешь строить аэроплан?

Вася оживился и отвечал:

— Да, папа, аэроплан, настоящий аэроплан.

— Да ведь ты их сколько уже выстроил из бумаги?

— Да те не настоящие, а я хочу построить настоящий, — волновался Вася.

Отец опять расхохотался, его забавляла такая смелость в сыне.

— Ну, хорошо, — наконец, сказал он: — разрешаю тебе, строй аэроплан. Посмотрим, что из этого выйдет. Все-таки это лучше, чем покорение давно покоренной Сибири и путешествие пешком в Америку через Атлантический океан. По крайней мере, твоя новая штука будет совершаться дома и здесь нет опасности утонуть в реке или замерзнуть у ворот Никольского монастыря.

Вася просиял, бросил недоеденное кушанье и кинулся целовать отца и мать.

Отец, конечно, очень скоро от него отвязался, а матери он все-таки успел смять и платье, и прическу. Но, несмотря на это, Вера Николаевна не была на него в обиде и весело смеялась вместе со всеми.

Еще солнце не успело сесть за рекой, а Вася Куликов был уже в роще на «Веселой поляне», как он и его приятели прозвали широкую луговину, пестревшую бело-розовой кашкой и полевой геранью.

Над поляной с гуденьем носились еще пчелы, собирая с кашки вечернюю «взятку», и в то же время, мешая им, откуда-то взялись и сумеречные бабочки, предвестницы вечера.

Вася прибежал на поляну весь сияющий. Он еще и до сих пор не пережил радости после разговора за обедом с своими родителями.

На «Веселой поляне» его уже дожидались.

Здесь был и Коля Грешнев, и Сережа Бухов, с которыми Вася путешествовал в Америку, и серьезный Степа Горошкин, которого за его ученость и вдумчивость прозвали Мудрецом, и наконец сестра Сережи Бухова, веселая и жизнерадостная Маня-Мальчуган, прозванная так за то, что она ни в каких играх не отставала от мальчиков, хотя и была уже в третьем классе гимназии.

Вся эта милая компания встретила бежавшего к ним с горки Васю хлопаньем в ладоши и криками:

— Кулик летит! Кулик! Кулик на своем болоте велик! Кулик!..

— Здравствуйте, друзья! — отвечал Вася, прямо с размаха попадая в объятия широкоплечему Сереже Бухову, который растопырил пред ним руки.

Бухов не удержался на ногах, и оба повалились в душистую кашку.

— Куча мала! — закричал Коля Грешнев и упал на них, подкосив под ножку Мудреца Степу Горошкина.

— Я вам задам моего Кулика обижать! — закричала Маня-Мальчуган и начала отгаскивать мальчиков от Васи.

— Пустите! пустите! — кричал Вася, отмахиваясь от своих друзей и подымаясь на ноги. — Я вам новость скажу!

— Говори, говори! — закричали мальчики так громко, что грачи, только что усевшиеся в своих гнездах на

ночлег, вновь поднялись с беспокойным криком и начали кружиться над поляной.

— Ну вот! Разве можно с вами о серьезном деле разговаривать? Эх, народ! — укоризненно сказал Вася, отходя в сторону. — Подите, Манечка, сюда. Я вам одной скажу. Они настоящие дураки, ничего не понимают! Сразу облапить, закричать! даже всех грачей в роще перепугали, разве так в серьезном деле можно?

— Правда, Кулик! правда, мой милый Куличок, они ничего не понимают, эти мальчишки! — говорила Маня, очень польщенная тем, что Вася ее отличил перед всеми своим доверием.

Коля Грешнев и Сережа Бухов стояли смущенные.

А Мудрец-Горошкин рассматривал в это время упавшую в траву пчелу.

— Бедняжка! — говорил он, — обессилела перед вечером, вот и не можешь лететь.

— Полетим! — шепнул Вася на ухо Мане-Мальчугану: — полетим! Папа позволил мне строить аэроплан.

— Настоящий? — тоже шепотом спросила Маня.

— Еще бы не настоящий! Ведь бумажных-то я сколько построил! — отвечал Вася.

— Настоящий аэроплан?! — громко воскликнула Маня и всплеснула руками.

— Где... Где аэроплан?! — закричали Коля Грешнев и Сережа Бухов и подняли головы вверх.

— Да вон там! да вон там! ха-ха-ха! — смеялся Вася: — Это Блерио летит из Франции в Англию через пролив Ламанш, ха-ха-ха!

Все смотрели вверх.

А в это время над их головами кружились опять обеспокоенные смехом Васи грачи.

— Ну, эти грачи скорее похожи на Сантос-Дюмона, чем на Блерио, — серьезно сказал Степа-Мудрец.

— Почему, Степа?—спросила Маня.

— Да ведь Сантос-Дюмон так же кружился на своем аэроплане вокруг Эйфелевой башни, — отвечал Степа. — А потом этот Сантос запутался, как и грачи в ветвях, в телеграфной проволоке и повис над крышей пятиэтажного дома. Я недавно об этом читал.

— А что же потом с ним было? — с живым интересом спросил Сережа Бухов.

— А потом он висел до тех пор, пока не приехали пожарные со своими высокими лестницами и не сняли его с крыши пятиэтажного дома, — отвечал за Степу Вася Куликов.

— Вася, а вы какой же аэроплан хотите строить? — спросила шепотом Маня.

— Кто? он? строить аэроплан?! — с удивлением спросил Степа-Мудрец, услышав этот вопрос.

— Да, я буду строить аэроплан, мои милые друзья! — весело отвечал Вася, сложивши руки на груди по-наполеоновски. — Буду строить аэроплан, — продолжал он, — и приглашаю вас помогать мне. А потом... потом мы все вместе полетим...

— На луну?! — закончил Коля Грешнев со смехом.

— Ну, хоть не на луну, а поближе, да все-таки полетим, — возразил Вася.

— Конечно, сверху-то вниз полетим, ха-ха-ха! — засмеялся Сережа Бухов.

— Аэроплан построить — это хорошо, — задумчиво сказал Степа Горошкин, — только ведь вот братья Райты строили свой аэроплан чуть не десять лет.

— Вот чудак какой! — воскликнула Маня. — Ведь Райты были изобретателями, а мы возьмем готовенькое и по их же плану построим аэроплан. Мой Сережа отлично столярничает, да и я ему помогать могу, Вася Куличок прекрасно рисует и может составить чертежи разных частей, Коля Грешнев на все руки мастер,

ну а вы, Мудрец, будете нам показывать как и что делать, потому что у вас вся голова книжками набита.

— Bravo, bravo! — закричал Коля Грешнев, а все остальные его поддержали.

Вся поляна уже погрузилась во мрак, и в лесу стало сыро. На небе засверкали звезды и восходила луна.

— Пора домой, пора! — обратилась Маня к брату, — нам дома опять попадет, что долго пропадаем.

— Не привыкать стать, — махнул Сережа рукой, — мы сегодня первый день каникул справляем.

— Так вот что, господа, — обратился Вася к товарищам на прощанье, — завтра же утром приходите ко мне в сад в беседку, там и работать будем.

— Ладно! Придем! — кричали ему друзья, удаляясь.

— Манечка, непременно приходите! — кричал Вася с горки.

— Уж я-то приду! — отозвалась и Маня из темноты.

Довольный и веселый возвратился Вася домой.

— Что это у вас за таинственный вид, милейший Блерио? — спросил его шутливо отец, когда они сидели за чайным столом.

— Завтра начинаем строить аэроплан, — с важным видом, но все-таки улыбаясь, заявил Вася.

Отец так и покатился со смеху.

— А после постройки аэроплана куда изволите путь держать? уж не на луну ли? — спросил он.

— Быть может, и на луну, — с достоинством ответил Вася.

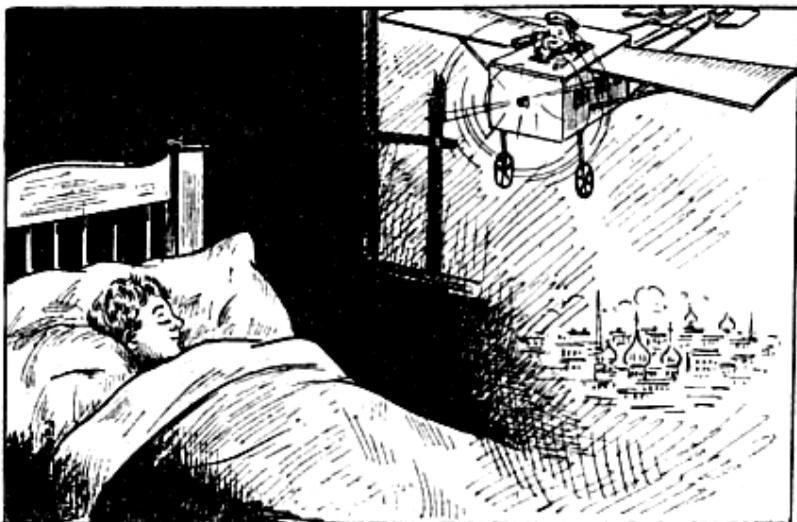
Отец опять засмеялся.

— Уж больно вы прытки, — заметил он. — Ну, да Бог с вами, поезжайте хоть и на луну.

— Только назад возвращайтесь поскорее, — смеясь говорила мать.

— Вернемся, мамочка, вернемся! — отвечал Вася, обнимая и целуя Веру Николаевну.

Долго в этот вечер ворочался Вася в своей постели и никак не мог заснуть: голова его была полна всяких мыслей.

Вася никак не мог понять, как он попал на «Веселую поляну». Помнил он только, что с вечера очень крепко заснул, а как очутился на поляне, не мог припомнить.

Да это впрочем и не важно, а важно то, что было ясное летнее утро, и вокруг Васи толпились и шумели все его друзья. Тут были и Петя Горошков*, и Коля Грешнев, и Сережа Бухов, и Маня-Мальчуган.

— Пора за работу! пора за работу! Давайте же скорей строить аэроплан! — кричали Васины товарищи.

* «Мудрец» Степа Горошкин внезапно и без объяснения причин превращается здесь в «Петю Горошкова», а далее вновь в «Степу Горошкина» (Прим. изд.).

— Аэроплан! Какой аэроплан? — спрашивал Вася Куликов и усиленно тер себе лоб что-то припоминая. — Ах, да! — воскликнул он: — теперь я вспоминаю! Ведь мы хотели строить аэроплан на нашей «Веселой поляне»?

— Ну да, да! — кричали его друзья: — разве ты не помнишь, что твой папа разрешил тебе строить аэроплан?

— Правда, правда! — подтвердил Вася Куликов. — Но вот в чем вопрос: как я попал опять на «Веселую поляну»? Я помню как я вчера вечером заснул у себя в постели, а как попал сюда к вам, хоть убей не помню.

— Ха, ха, ха! — залилась звонким смехом Маня-Мальчуган: — да ведь вас, милый Вася Куличок, и убивать-то не нужно, потому что кулики поют на болоте только до Петрова дня, а Петров день уже прошел, и теперь далеко, далеко кулику до Петрова дня!

— Как прошел?! — удивился Вася: — ведь мы только в конце мая окончили экзамены, значить вчера?

— Ф-ио-ио-ю! — засвистал Сережа Бухов: — эк хватился! А сколько времени мы над аэропланом-то работаем? уже больше месяца.

— Да неужели?! — удивился Вася Куликов.

— Совершенно верно, — вмешался в разговор рассудительный Петя Горошков: — вот твои игрушечные аэропланы-модели, а вот мои чертежи, — и он указал на громадный стол с чертежной гладкой доской.

Вася Куликов слушал и не верил своим ушам, глядел и не верил глазам — откуда явился стол на «Веселой поляне», когда кроме травы, кустов и цветов на этой поляне ничего раньше не бывало.

— Удивительно! — сказал Вася. — Ну да все равно, давайте строить аэроплан. Горошек, покажи свои чертежи, так ли все это у тебя выходит.

Петя Горошков развернул па столе чертежи и начал объяснять.

— Вот это аэроплан Райта, — говорил он: — ведь ты знаешь, что братья Райт первые победили воздух, они первые стали летать на далекие расстояния на своем аэроплане.

— Да, да! я читал о них, — перебил его Вася Куликов. — Да, ведь, вот же у меня и мой бумажный аэроплан построен по их образцу, — и Вася взял в руки модель аэроплана братьев Райт.

Все с интересом рассматривали летательную машину.

— Хитрая штука! — сказал Коля Грешнев, рассматривая модель аэроплана Райта. — А зачем же у него эта крыша?

— В ней-то вся и сила, — отвечал Вася Куликов: — ведь ты делал когда-нибудь воздушные змеи?

— Делал, — отвечал Коля.

— Так ведь аэроплан тот же воздушный змей, — сказал Вася: — своей крышей и своим низом он упирается в воздух, как бумажный змей. Только для того, чтобы он держался в воздухе и двигался вперед, к нему вместо веревки приделан мотор с пропеллером.

— Пропеллер — это винт с большими лопастями или крыльями, как у винтового парохода, — пояснил Петя Горошков.

— А мотор? — спросила Маня.

— Мотор — это керосиновый или бензиновый двигатель, — сказал Коля: — этот двигатель заставляет вращаться винт или пропеллер с невероятной быстротой, быстрее самого сильного ветра. Вот это-то вращение винта и позволяет аэроплану держаться в воздухе и двигаться вперед с такой быстротой, которой не достигал еще никакой железнодорожный поезд.

— Да, — сказал Сережа Бухов, — я читал, что на аэроплане пролетали до ста восьмидесяти верст в час.

— Совершенно верно, — подтвердил Петя Горошков: — только на аэроплане Райтов такой быстроты не достигнешь, да теперь уже он и не употребляется. Есть много других систем аэропланов, гораздо лучших, более устойчивых в воздухе и более послушных в руках пилота, т. е. человека, который управляет машиной.

— На каком же мы полетим? — спросила Маня-Мальчуган.

— По-моему, самое лучшее на Фармане, — сказал Горошков.

— Нет, Горошек, лучше уж на аэроплане Блерио, ведь он перелетел через Ламанш из Франции в Англию, — сказал Сережа Бухов.

— Нет, господа! — воскликнул Вася Куликов: — ведь нам лететь придется всем вместе, а нас пять человек, и никакой аэроплан не подымет нас, кроме аэроплана русского изобретателя Сикорского. Его машина подымает даже больше восьми человек!

— Bravo! — воскликнул Коля Грешнев. — Мы на таком аэроплане можем и на луну залететь!

— Отчего же и не так? — серьезно подтвердил Горошков: — с такой быстротой можно попасть и на луну, только нужно запастись провизией и приспособлениями для дыхания потому, что на луне воздуха нет.

— Это все пустяки, все это мы устроим! — заявил Вася. — Прежде всего нужно построить аэроплан. Да не такой как у Блерио, Райта и Фармана, даже не такой как у Сикорского, а гораздо, гораздо лучше. Я уже придумал такой аэроплан, что мы с ним залетим прямо на луну.

— Bravo! Bravo, Кулик! Bravo, Куличок! — кричали его друзья.

На Веселой поляне было необычайное оживление. Все были за работой.

Затейник Вася Куликов и мудрец Горошков распорядились и давали указания, и Коля Грешнев, Сережа Бухов и Маня-Мальчуган пилили, строга́ли, рубили и приколачивали разные планки, дощечки и стойки.

В это же время на Веселую поляну откуда-то подвозили разные материалы, готовые металлические части аэроплана и, наконец, привезли даже целых шесть двигателей (моторов).

— Это что за машины такие? — спросил, указывая на них, Сережа Бухов.

— Это моторы или иначе двигатели, — пояснил Вася: — ими-то и будут приводиться в движение пропеллеры, или воздушные винты нашего аэроплана.

— Зачем же их шесть? — спросила Маня-Мальчуган: — на аэроплане Сикорского «Илья Муромец» их всего четыре, и он подымает восемь человек, а нас всего пять.

— Мало ли что у Сикорского! — возразил Вася: — наш мудрец Горошков изобрел аэроплан лучше Сикорского, мы по его чертежам и строим.

— Нам ведь нужно взять много съестных припасов и большой запас бензину, — вмешался Горошков: — да кроме того во время путешествия моторы могут испортиться, а потому запасные двигатели необходимы.

Пока друзья разговаривали, извозчики все подвозили и подвозили разные вещи и товары. Привезли жестянки с бензином и смазочным маслом и выгрузили целую гору съестных припасов: копченой колбасы, ветчины, разных консервов и печенья.

От всего этого так вкусно пахло, что Вася не утерпел и предложил всем хорошенько подкрепиться перед путешествием.

Никто не заставил просить себя второй раз, и все с удовольствием расположились вокруг закусок, весело болтая.

— Вот-то удивятся наши родные, когда узнают, что мы от них улетели, — заметила Маня.

— А потом и попадет же нам, ой, ой, ой! — добавил Коля Грешнев, уписывая за обе щеки вкусную ветчину.

— Ну, это еще когда попадет! — возразил Сережа Бухов: — ведь мы вернемся-то не скоро, лишь бы только улететь благополучно.

— А когда же мы полетим? — спросила Маня.

— Да часика через два, — отвечал Горошков.

— Так скоро! — удивилась Маня.

— Да ведь долго ли нам построить аэроплан? тятя да ляп, вот и вышел воздушный корабль, — отвечал Вася.

— Отдельные части все готовы, — добавил Горошков: — теперь только собрать их.

— За работу, за работу! — крикнул вскакивая Сережа Бухов: — а то, пожалуй, нас здесь накроют, тогда и не улетишь.

Все принялись за работу, и, как по щучьему велению, громадный аэроплан был готов меньше чем в два часа.

Он был похож на огромную коробку на колесах с большими винтами вроде паровых, спереди и сзади. Посредине этой коробки была обширная каюта со всеми удобствами для отдыха и занятий. Впереди было устроено машинное отделение, а сзади кладовые для припасов и инструментов.

— Но как же этот удивительный дом полетит в воздух? — спросила Маня-Мальчуган.

— Да это очень просто, — отвечал Вася Куликов: — ведь аэроплан тот же змей. Как змей подымается в

воздух, упираясь в него, так и аэроплан. Только у змея заставляет упираться в воздух веревка, а здесь быстрое вращение пропеллера.

— Да ведь змей-то на месте стоит, а аэроплан двигается вперед, — возразил Сережа Бухов.

— Это потому, — объяснил мудрец Горошков, — что пропеллеры вращаются с страшною быстротою и отталкивают от себя воздух, как паровой винт воду. Воздух жиже воды, реже ее, а потому и нужно, чтобы винт, пропеллер, в аэроплане вращался с страшной быстротой. Если винт остановится, то аэроплан упадет вниз как камень.

— Ах, как страшно! — воскликнула Маня: — значит, и мы так же?

— Ну, зачем же? — засмеялся Вася: — ведь мы будем лететь на аэроплане Сикорского, или лучше сказать Горошкова.

— Ах, вот кстати! — воскликнул Коля Грешнев: — как же мы назовем наш аэроплан?

— Аэроплан Сикорского называется «Илья Муромец», — сказал Вася.

— Ну, нам-то уж это название не к лицу! — сказал Коля: — мы построили аэроплан больше чем у Сикорского.

— Назовем его «Добрыней Никитичем», — вмешался Сережа Бухов.

— Да просто назовем его Богатырем. Богатырь — и больше ничего, — предложила Маня.

— Отлично! — воскликнул Вася Куликов: — давайте писать ему вывеску.

— Фу, Куличок! какую вывеску? Вывески только на лавках, — возмутилась Маня.

— Не вывеску, а имя, — успокоил Горошков.

Сейчас же появилось полотно на столе, где были чертежи аэропланов, и Коля Грешнев, как лучший из

всех рисовальщик, вывел красивыми красными с синим буквами: «Богатырь».

— Ну, когда же лететь? — спрашивала с нетерпением Маня.

— Сейчас, Маня, не кипятитесь, — успокаивал девочку Вася: — вот вывеску приедем к аэроплану и полетим.

Красивая, яркая вывеска скоро была прикреплена на передней части «Богатыря», и аппарат, казалось, готов был в любую минуту сорваться с места и, послушный управлению, умчаться в высь.

— Пойдите, господа! — закричал Степа Горошкин, глубокомысленно потирая лоб. — А ведь мы чуть не забыли одного важного обстоятельства. Ведь, надо же нам установить сношение с землей? Иначе мы не будем знать что делается на земле и не сможем подать о себе весть. Я вспоминаю, что мы не взяли с собой аппаратов и приборов радиотелеграфной станции.

— Ну, это, брат, ты прозевал, — ответил ему Вася. — Об радиотелеграфе я не забыл, а только не успел установить его на аэроплане. Я думаю, что это надо сделать теперь же. Во время полета мы будем некоторое время получать известия с земли, это будет и полезно для нашего путешествия, и приятно. То-то будут поражаться станции на земле, когда мы им протелеграфируем: — «Путешественники на луну с дороги сообщают о своем благополучном следовании».

— Bravo, bravo! — воскликнула Маня, дожжевывая бутерброд с сочной ветчиной и готовясь закусить душистой грушей.

— Это здорово придумано! — баском поддакнулestre Сережа, и вся компания дружно принялась за работу по установке в передней части «Богатыря» беспроволочного телеграфа.

— Вот и готово! — с радостью закричал Вася, когда были окончены последние сборы к полету. — Теперь

нам остается попробовать аппарат, распределить между собою, кому что делать во время полета, и марш в путь!

Вася внимательно осмотрел весь аэроплан, проверил все натяжения крыльев, убедился в прочности резервуаров с бензином и назначил Степу Горошкина заведующим механической частью.

— Управлять аэропланом мы будем с тобой по очереди. Но следить за исправностью механизма и производить наблюдения будешь ты. В училище ты сильнее меня был по математике. Мне хотя за уравнения первой степени и ставил «Козел» (так прозвали у нас в училище учителя алгебры за его длинную бороду и сердитый нрав) четверку с минусом, а у тебя все же были пятки.

— А ты, Сережа, возьми на себя хозяйственную часть, в очередь с Маней. Только поглядывай за ней, да и сам не балуй. Там в кладовой много вкусных вещей, смотрите, не соблазнитесь. Дорога не близка, да и неизвестно, покормят ли нас еще на луне-то. Ну, теперь, кажется, все,— закончил Вася и предложил товарищам занять места в каюте.

— Начинаем пробу! — весело крикнул Вася, последним вскочив в гондолу и взявшись за руль.

— Ура! Ура! Ура! — завопила вся команда, когда затрещали передние пропеллеры и «Богатырь» отделился от земли.

Молодые авиаторы были поглощены новыми впечатлениями. Чувство свободы, самостоятельности поднимало их настроение, и даже Сережа с Маней не увлекались обследованием порученной им хозяйственной кладовой и с восторгом следили за уходившими все больше вдаль и вниз полями и лесами милой земли.

— Ах, какая прелесть! — кричала Маня.

— Недурно, — басил Сережа, в то время как Степа внимательно оглядывал машины, а Вася управлял аппаратом.

— Хорошо-то, хорошо, — проговорил последний, — опыт удастся, но все таки нам надо «приземлиться» пока не темно, а то не будем знать, как наш «Богатырь» будет «прилуниваться», когда доберемся до старой знакомки, — и авиатор начал планирующий спуск, выключив и остановив мотор.

Быстро пошел вниз «Богатырь», увлекаемый собственной тяжестью.

Но Вася умело действовал рулем, и аэроплан, как громадная птица, распластавшая крылья, плавно и медленно описывая круги, стал приближаться к земле.

Снова замелькали внизу темные полосы леса, вперемешку с зелеными лужайками, побежали узенькие полоски пашен, желтые, зеленые, сероватые, серебристой веселой струей выглянула речка, и огромным пятном открылся ровный луг, усеянный знакомыми, веселыми цветочками, делавшими его похожим на узорчатый ковер.

— Вот хорошее место для спуска, — воскликнул Коля Грешнев, которому не было дано особого поручения на «Богатыре» и который поэтому вел наблюдения за полетом, за скоростью, следил за температурой воздуха и имел в распоряжении телеграфную станцию.

— Это верно, — поддакнул Вася и начал спуск.

«Богатырь» был уже недалеко от земли; вот-вот его колесики готовы были коснуться почвы, как вдруг какой-то крик сзади заставил Васю оглянуться, невольно потянув на себя руль управления и включив мотор.

Аэроплан рванулся вперед, быстро забрал вверх, как испуганная птица, и было время.

Внизу по земле за ним бежали люди, что-то кричали, махали руками, видимо желая, чтоб воздушный конь с неизвестными пассажирами опустился вниз.

— За нами погоня, — проговорил Степа, наблюдавший в нижнее окно каюты за удалявшимися точками людей.

— Теперь не догонят! — откликнулся Вася, успевший уже выровнять аппарат и дать ему скорость. — Видимо, не придется приземлиться, — продолжал руководитель экспедиции.

— За нами везде теперь следят, всюду теперь дали об нас телеграммы, — заметила Маня, а Степа немедленно привел в действие свой радиотелеграф, и через минуту, две, перехваченные электрические воздушный волны дали на ленте ясный оттиск сообщений об их бегстве.

— Значит, надо идти вверх, — заключил Вася, — прямо по задуманной дороге.

— На луну! на луну! — подхватили остальные путешественники, весело всматриваясь в вышлывшую из-за облаков загадочную красавицу, обливавшую своими бледными, холодными лучами далеко оставшуюся внизу землю.

«Прощай, земля!» мысленно твердили наши путешественники, довольные новыми ощущениями, новыми открывающимися картинами.

Ровный шум моторов не мешал им потихоньку делиться первыми впечатлениями дороги; дела пока еще не было; авиатор Вася уверенно вел аппарат, все приближаясь к густой куче облаков, за которыми местами, через просветы, выглядывали яркие звездочки.

Все шло благополучно, пока аппарат не попал в глубокую воздушную яму, громадную по размерам настолько, что Васе пришлось включить в действие и за-

пасные моторы, чтобы ослабить силу внезапного падения.

Это спасло «Богатырь», но Вася, все же чувствовал, что в управлении аэроплана что-то не совсем ладно. Заднюю часть аппарата, хвост его, все как-то оттягивало вниз.

— Коля, погляди-ка, нет ли чего там под каютой! — крикнул Вася Грешневу.

Коля нагнулся к иллюминатору, взгляделся в темное, расстилавшееся под ним пространство и заметил на перекладине шасси какую-то темную массу.

— Что-то есть! — крикнул Коля наверх. — А что — никак не разберу, — темно.

— Посвети прожектором, — посоветовал Степа, наблюдавший сбоку из своего окошка.

— Там мальчик! — пассажир на «Богатыре»! — громко закричала Маня, первая разглядевшая прижавшуюся на тонкой перекладине фигуру.

— Спустите ему лестницу веревочную через нижний люк, — скомандовал Вася, несколько убавив ход моторов и делая отлогий спуск.

Быстро открыла команда нижний люк, выпустила лестницу, и Сережа закричал вниз, громко, насколько позволял его басивший толос:

— Эй, ты, там, бери веревку, влезай сюда!

Через минуту в отверстие люка показалась растрепанная фигурка мальчика, с всклокоченными волосами и испуганными глазами.

Новый пассажир «Богатыря», очутившись в каюте, все еще не мог прийти в себя и испуганно осматривался.

Вся компания осыпала его вопросами: «Как, что, откуда?», разглядывая нового товарища, деревенского мальчика, который был в материнской кацавейке, с смешно набитой оттопырившейся пазухой.

— Как ты попал сюда? — начал допрашивать незнакомца Вася, уступивший свое место у руля Степе. Теперь первый испуг невольного авиатора видимо прошел, и способность говорить вернулась к нему.

Незнакомец, оказавшийся новым пассажиром «Богатыря», был сыном крестьянской вдовы из деревни Пустопорожнее Место, верст за 500 от Веселой Поляны. По его рассказу, довольно бестолковому, можно было однако установить, что причиной его появления на аэроплане был спуск аппарата на землю.

Когда «Богатырь» делал попытку сесть на лугу, Ванюшка Горемыкин (так звали мальчика) ловил в это время убежавшую из дома свою любимую кошку Маруську.

Поймав кошку, Ванюшка уже посадил ее себе за пазуху, как вдруг какая-то громадная тень накрыла его. Невольно зажмурив от страха глаза, Ванюшка присел на корточки, и в это время его что-то подхватило. Взмахнув руками, Ванюшка ухватился за какие-то проволоки и, ошеломленный толчком, старался не двигаться с места, чувствуя, что он летит куда-то вперед и вверх.

Вот краткая история того, как на «Богатыре» очутился новый пассажир и даже не один, а с кошкой Маруськой.

Таким образом на «Богатыре» теперь оказалось два новых пассажира, но Васю это не беспокоило. В первых, аппарат был рассчитан на больший вес, во вторых, с каждым днем запасы сокращались и вес их облегчался, и поэтому лишних один, два пуда не составляли обременения. Увеличение же команды и появление на аэроплане хорошенького животного только веселило нашу компанию.

Но командира корабля все же тревожило одно обстоятельство. Осматривая как-то утром кладовую с съестными припасами, он заметил, что последних не

так уже много. Уписывая за обедом, за завтраками порционные порции и не стесняя себя едой в промежутках между ними, аэронавты порядком поистожили свой склад, а между тем впереди лежал еще не один день воздушного пути.

Уже несколько суток летели путешественники в пространстве, потеряв из виду землю, ныряя среди облаков и все дальше и дальше уходя в голубую высь. Вася и Степа по очереди дежурили у рулей, Коля с Ванюшкой следили за работой механизмов, а Сережа с Маней, а теперь вместе с Маруськой усердно трудились по хозяйственной части, делая бутерброды, разогревая кофе и приготавливая обеды.

Маруська при этом ластилась около ног, изгибала спину, мурлыкала и терлась об стол, выпрашивая вкуснее кусочки. На ней совсем не отражалась необычайность путешествия, как и на остальных участниках полета, смело летевших на своем «Богатыре» все вперед и вперед, все дальше и дальше.

Но благополучие и удача не всегда бывают продолжительны. Один раз, ночью, когда «Богатырь» шел под управлением Степы, аппарат начал нырять и так сильно, что в каюте на столе запрыгала посуда, задвигалась мебель, и в довершение всего упала и разбилась большая бутылка со сливками, разлившаяся по полу. Горю Майи не было конца. Она очень любила сливки и бисквиты, а теперь приходилось пить кофе черный, и бисквиты потеряли свою прелесть. Маруська сначала блаженствовала, подлизывая лужицы и струйки сливок на полу, но потом тоже пригорюнилась, как бы сознавая, что и она лишается вкусного завтрака.

В это время мальчики самым серьезным образом разбирались в причинах таких резких скачков аэроплана.

Судя по отметкам барографа, по данным температуры можно было предполагать, что «Богатырь» проходит над какой-нибудь огромной водной площадью, где в это время разыгрались воздушные вихри.

— Мы над океаном, на громадной высоте, — заявил Степа-Мудрец.

— Сюда достигают смерчевые волны, и чтобы избежать их, надо немедленно отойти в сторону и несколько принизиться, — заключил он.

Вася вполне был с ним согласен и тотчас же привел в исполнение задуманный маневр.

«Богатырь», свистя взмахами своих двух передних пропеллеров, резко повернул вбок и пошел вниз по спирали. Через пять минут толчки уже ослабли, аэроплан понесся устойчиво, но несколько тысяч метров высоты было потеряно, и далеко внизу стала выделяться земля.

— Экая досада! — проговорил Вася, для которого подобная потеря совсем не входила в планы путешествия.

— Ну, ничего, — утешали его Коля и Степа. — Расчет небольшой!

— Как небольшой? — кипятился командир. — А хватит нам бензина и припасов? Все ведь было взято с расчетом, а тут еще вот лишний вес и два рта! — и Вася покосился на Ванюшку и Маруську.

Но гнев последнего скоро прошел, тем более, что явилась возможность разузнать о том, что делается на земле. Радиотелеграфные аппараты пришли в действие, и на ленточках появились значки букв. Степа немедленно принял радиотелеграммы, и из них команда «Богатыря» узнала, что, действительно, причиной их неудачи явился сильнейший шторм, пронесшийся ураганом над Атлантическим океаном.

— Вот так штука! — воскликнул вдруг Степа.

— Что такое?! — воскликнули остальные пассажиры аэроплана.

— Смотрите-ка, что наделал этот шторм! — И Степа расшифровал телеграммы, из которых было видно, как обменивались на океане просьбами о помощи захваченные смерчем океанские пароходы.

— Чай, сколько народу погибнет! — печально проговорил Ванюшка, посвященный теперь в известной степени в тайны аэронавтики и мореплавания.

— Да, брат, этим не шути, — подтвердил его мысли Коля. — Эти пароходы — не то, что ваша деревня, это, брат, целые плавающие города с тысячами обитателей...

Ванюшка разинул рот от удивления, как вдруг Степа закричал:

— Господа, господа! Вот это новость так новость! Слушайте!

И Степа прочел всей компании телеграмму из Парижа в Нью-Йорк о поразительных успехах авиации. Парижский аэроклуб сообщал Нью-Йоркскому об опытах полета на аэроплане вниз головой, о спусках и движении без мотора, о мертвых петлях Нестерова, Пегу, Пуаре и других отважных аэронавтов.

— Ура! Ура! — закричала вся компания, приветствуя новые завоевания смельчаков.

Больше всех заинтересовался этим сообщением Вася.

— А что, господа, не попробовать ли и нам проделать такие повороты.

— Вот хорошо-то! — воскликнула Маня-Мальчуган, запрыгав по каюте и подхватив Маруську.

— Конечно, надо, — поддакнул Сережа, — это нам может пригодиться.

— Ну, тогда все марш по местам! — скомандовал Вася и отправился на пилотское место.

— Ты привяжи себя к сиденью, — посоветовал Степа.

— Не стоит, эка важность! — отказался отважный командир. — Удержусь и без этого. При быстром ходе нашего «Богатыря» не вывалишься и так. — Сказано сделано.

В ту же минуту Вася включил в действие запасные моторы; пропеллеры засвистели, и аэроплан как бешеный рванулся вперед.

Вася сделал крутой спуск вниз, быстро забрал вверх, после этого поставил «Богатыря» на дыбы и через секунду опрокинул его на спину.

Аппарат грузно кувыркнулся в воздухе, перевернулся от тяжести еще раз и еще, и только после этого заколебался и приостановился, удержанный напором воздуха в его громадный крылья.

Трудно себе представить что творилось в каюте «Богатыря» во время этих прыжков. Положительно все оказалось вверх дном. Посуда, мебель, припасы и сами пассажиры кувыркались в тесной комнатке, стучались друг об друга, снова падали с пола на потолок и обратно, и только Маруська, задравши хвост, висела, уцепившись за обивку каюты и раскачиваясь, как маятник у часов.

Но и это еще все было бы ничего, несмотря на полученные громадные шишки на лбу и затылках команды, несмотря на испачканные и измазанные и порванные костюмы авиаторов, если бы не случилось обстоятельства еще более ужасного: авиаторы потеряли своего командира.

— Господа, — воскликнул Степа, — пилота-то нашего нет!

— Как нет? — вырвался крик ужаса у остальных, бросившихся к переднему иллюминатору каюты.

Действительно, пилотское место было пусто. Васи на нем не было.

Но моторы работали, пропеллеры вертелись с той же силой, и «Богатырь» бешено несся вперед никем не управляемый.

Прошла первая минута изумления пассажиров «Богатыря», и к ним вернулась способность рассуждать.

— Спустимся на землю, — сказал Сережа и по глазам товарищей увидал, что эта мысль им по душе.

Одна Маня-Мальчуган, при всем своем задоре и храбрости, не выдержала и громко заревела, повторяя сквозь слезы: — Бедный Вася, бедный Вася!..

Гибель командира не уменьшила однако энергии путешественников. На общем совете решено было передать управление и команду в руки Степы-Мудреца с тем, чтобы он держал теперь курс обратно на землю.

Но последнее было не так легко сделать из-за того, что аэроплан стал очень туго почему-то повиноваться направлению вниз. Его все как-то подавало несколько вверх, несмотря на все старанье Степы спуститься хоть немного ниже.

«Что за история?» думал он, останавливая время от времени мотор и убеждаясь, что каждый раз при этом «Богатырь» задирает нос вверх.

— Коля! Ванюшка! — крикнул наконец Степа-Мудрец товарищам, — посмотрите хорошенько, в порядке ли заднее рулевое управление! Руль глубины у меня что-то плохо слушается, не заело ли где тросов?

Ванюшка, как более смелый и ловкий, быстро пробрался через нижний люк под каюту и, придерживаясь за скреп, огляделся кругом. Вдруг внимание его привлекла какая-то темная масса в узком пространстве между переплетами хвостовых скреплений и проволочных тяжей.

Ванюшка быстро вернулся назад и сообщил о виденном команде. Все бросились к заднему окну каюты. Отсюда тоже можно было рассмотреть шевелившуюся массу.

— Господа, да ведь это наш командир, Вася! — вдруг закричал Сережа.

На самом деле теперь можно было разглядеть и всю фигуру злосчастного пилота, запутавшегося в частом переплете хвостовых креплений.

— Спасать командира! — заорал Сережа во все горло. Но среди храброй команды не находилось смельчака, соглашавшегося пролезть по тонким колеблющимся скрепам, чтобы высвободить запутавшегося Васю.

— Стой же, я попробую, — предложил Ванюшка и смело пустился вниз, ловко цепляясь за проволоки и натяжения, пользуясь старыми своими навыками лазить по высоким елям и соснам в погоне за белоносыми галчатами.

Вся команда с трепетом следила, как смельчак пробрался к самому концу хвоста, как помог Васе вытащить ноги и руки и наконец выбраться из заключения.

Через минуту Ванюшка и Вася были уже в каюте, и вопросы сыпались на того и другого. Вася поведал историю своего исчезновения с пилотского места. Оказывается, что при первом же движении аэроплана вверх, Вася, как с горки, съехал с крыши каюты и свалился вниз в узкое пространство хвостовых скрепов. Конечно, он мог погибнуть, но на его счастье и планки, и проволоки были настолько крепки, что выдержали тяжесть упавшего тела.

Однако, стиснутый со всех сторон проволочными переплетениями, Вася не мог сначала даже шевельнуться, тем более, что ощущал под собой движение

тросов (проволочных веревок), протянутых от механизмов управления к задним рулям.

Это и был тот самый момент, когда Степа никак не мог дать «Богатырю» движения вниз: рули не слушались.

При общих ликованиях спасенного командира тут же накормили, напоили, и Степа передал ему управление аэропланом.

О возвращении на землю теперь никто не решался и заикнуться.

— Теперь уже любое кувыркание в воздухе проделаю с «Богатырем», — хвастался Вася, с набитым ртом, аппетитно пережевывая после голодовки куски жареной курицы и бросая кусочки вертевшейся у ног Маруське.

— Ну, этих опытов больше делать нам, пожалуй, и не надо, — заметил серьезно Степа-Мудрец. — Смотри-ка, сколько беды наделала нам первая мертвая петля.

Вася только тут заметил, какие опустошения произведены в каюте, и очень огорчился, узнав, что часть припасов оказалась попорченной совсем.

— А как, Сережа, хватит нам запасов на дорогу? — поинтересовался командир, обращаясь к заведующему хозяйственной частью.

— Должно бы... хва...тить... — с трудом ответил тот, еле ворочая языком во рту, набитом вкусным жарким.

— Ну, смотрите! — строго заметил Вася и немедленно отправился сменять утомившегося Степу-Мудреца.

Снова понесся вверх «Богатырь». Без умолку трещали моторы, свистели пропеллеры. При опытном командире команда теперь не трусила, и мечты о возврате на землю были оставлены.

«Богатырь» забрался так уже высоко, что путешественники вынуждены были пользоваться запасами

кислорода, надели маски, без которых невозможно дышать в разреженном воздухе. Температура упала. Были надеты теплые костюмы. В каюте непрерывно работала электрическая грелка.

— Ничего, это скоро кончится, — утешал всех энергичный предводитель. — Скоро пройдем полосу разреженного воздуха, вступим в сферу луны, и тогда уже «наша взяла»! — бодрил Вася свою застывавшую команду.

Меньше других страдал Ванюшка. В материнской ватной кацавейке он чувствовал себя весьма недурно, тогда как остальные, в патентованных вязаных специальных костюмах дрогли порядочно. «Богатырь» шел не так уже быстро, хотя работали все моторы и пущены были в ход все пропеллеры.

Редкий воздух слабо оказывал сопротивление, и требовалось особое напряжение машин.

«Лишь бы хватило бензина», думал с тревогой Вася, окоченевшими руками держась за рули управления.

Между тем луна приближалась все больше. Все отчетливее вырисовывалась она на темном ночном небе. Легко были видны глубокие пропасти и высокие вершины ее гор. Причудливыми узорами испещряли они поверхность остывшей планеты. В низинах, в долинах между горами чудились окаменевшие громады городов, глубокими извилистыми трещинами представлялись русла обезводневших рек. Но признаков жизни не наблюдалось. Мертвые, холодные, бледные тоны окраски холмов, кратеров и долин не оживлялись веселой окраской травянистых поверхностей; в ущельях гор, в низинах не блестели игривой струей реки мертвой планеты. По-прежнему луна представлялась загадкой, решение которой лежало в миллионах прошедших годов.

Наши путники внимательно вглядывались темными ночами в приближавшуюся цель своей поездки, даже кошка Маруська не отставала от общего увлечения луной, хотя в данном случае ею руководили, вероятно, соображения иного порядка. Воспоминания о лунных ночах будили в кошечке желание забраться на крышу и там помяукать.

В одну из таких ночей Маня-Мальчуган заметила исчезновение Маруськи.

Туда-сюда, искали ее. Нет нигде. Ванюшка особенно беспокоился о кошке.

Стали смотреть из иллюминаторов, не выпрыгнула ли кошка на крылья «Богатыря».

Действительно, на одной из верхних планок аппарата, на самом краю сидела Маруська и жалобно мяукала, глядя на луну.

Ванюшка стал ее кликать. — Кысь, кысь, кысь... — манили остальные, но кошечка оставалась глуха к призывам.

— Что же делать? — мелькнула мысль у мальчиков. — Оставить любимицу одну — нельзя было. Она могла свалиться с крыла, а то еще хуже — попасть в механизм или в винты, и тогда опасность угрожала бы самому аэроплану.

— Стойте, я сейчас ее достану! — воскликнул Ванюшка, и прежде чем кто-нибудь успел возразить на его рискованное предложение, мальчик вылез через люк на крыло и пополз осторожно по нему по направлению к краю.

— Держись крепче! — кричали остальные, а Вася старался удержать «Богатыря» в одном положении, чтобы наклоном крыльев не сбросить смельчака в пространство.

Вот Ванюшка уже достиг края, уже протянул руку к Маруське и схватил ее за лапку, как вдруг в это мгно-

вение, как нарочно, аппарат весь вздрогнул, скакнул, и все с ужасом увидали, что Ванюшка и Маруська сорвались с крыши и полетели вниз.

Путешественники онемели от страшной картины и боялись открыть сомкнувшиеся невольно глаза.

— Ну, потерянного не воротишь; за работу, господа! — скомандовал Вася, сохранивший присутствие духа и решивший продолжать путь вверх, так как всякая попытка искать и ловить упавших авиаторов представлялась явно немислимой.

Однако и призыв командира к энергии путников, и пущенные им во весь полный ход моторы «Богатыря» не вызвали должного эффекта.

Аэроплан хотя и летел с быстротою молнии, но вверх не поднимался.

«Вот странность», думал Вася и решил на несколько минут остановить двигатели, чтобы проверить механизм и управление рулями.

Как только это приказание было исполнено, вся команда разинула рот от удивления: «Богатырь», никем не управляемый, не толкаемый вперед винтами, стоял неподвижно в воздухе.

— Господа, а я догадался, что с нами случилось! — закричал пришедший, наконец, в себя Степа-Мудрец. — Мы, вероятно, попали на границу действия закона земного притяжения. Теперь нас, по всем признакам, луна притягивает к себе, а земля тянет в свою сторону. Вот наш аппарат и стоит между двумя планетами.

— Как же теперь быть? — вопили путешественники, уразумевшие почти полную безвыходность своего положения, обращаясь к Степе-Мудрецу.

— Тут нам может помочь только какой-нибудь непредвиденный случай. Если бы кто-нибудь толкнул «Богатыря» в ту или другую сторону, вверх или вниз, ну, тогда само собой определилось бы действие сферы

притяжения. Мы, или пошли бы обратно к земле, или притяжение луны вовлекло бы аэроплан в свою область. А без этого мы обречены летать без конца между этих планет, пока не поедим всех припасов и не превратимся сами в мумий.

От таких перспектив путешественники упали духом окончательно. Больше всех нервничала, конечно, Маня-Мальчуган. Она плакала навзрыд.

Мальчики были несколько спокойны, но и их пугал ужас положения, тем более что встретить спасение совсем не представлялось возможным.

— Не стоять же нам все-таки на одном месте, — решил, наконец, Вася. — Полетимте хоть вперед, а там видно будет. — И отважный пилот снова пустил в ход моторы. Снова помчался «Богатырь» по безбрежному воздушному пространству. Наступила ночь. Выплыла на темном небе загадочная, холодная луна. Теперь ее улыбка, казалось, стала еще значительнее. Казалось, вот-вот сверху раздастся голос: — Что, попались, голубчики, ха! ха! ха! Сидели бы себе смирно на земле! Ишь, храбрецы какие выискались! Вот теперь и крутитесь. И близок локоть, да не укусишь. — И кончиком языка луна, казалось, дразнила авиаторов.

В это время Вася стал внимательно вглядываться вперед, наконец, молча схватил за рукав Степу и показал ему на заинтересовавший его предмет.

А впереди виднелись какие-то две точки, какие-то две темные фигурки, как будто висевшие в воздухе.

«Богатырь» бешено неся навстречу этим двум точкам, и через минуту Вася и Степа были поражены представившейся им картиной: в воздухе беспомощно висел Ванюшка и рядом почти с ним кошка Маруся. Бедное животное смешно перебирало лапками, хвост ее беспомощно задрался вверх, жалобное мяуканье оглашало воздух. Ванюшка также беспомощно взма-

хивал руками и делал уморительные движения ногами, а материнская кацавейка его болталась своими лохмотьями; во взоре несчастного мальчика, похудевшего за эти дни пребывания в воздухе, читался ужас и мольба о спасении.

— Ванюшка?! Ты? — закричал Вася, задерживая аэроплан, когда тот был от мальчика в нескольких шагах.

— Я! Я! — жалобно простонал тот.

Эту сцену увидели из окон каюты и остальные пассажиры и выбрались, кто в гондолу, кто на крышу посмотреть, как командир подведет «Богатыря» к погибающим воздухоплателям.

— Хватайся за аппарат, как только подойдет ближе! — крикнул Вася Ванюшке, который был всего теперь в двух шагах от аэроплана. Теперь Ванюшке можно было безопасно схватиться либо за остановившиеся пропеллеры, либо за борт гондолы.

Все это было делом нескольких секунд и едва не погубило путешественников. Они твердо держались кто за что попало, между тем как Вася схватился за управление и дал ход моторам.

— Земля, земля! — закричал вскоре Коля, дежуривший у иллюминатора.

— Где? Где? — и все бросились смотреть на долгожданную спасительницу-землю.

Действительно, внизу сквозь бегущие облака показалась темная масса, освещенная розовыми лучами удалявшегося солнца.

Аппарат грохнулся на землю, толчок получился при этом не менее, пожалуй, сильный, чем и во время удара молнии, но особенных повреждений падение не причинило; оно не прибавило страданий и боли ни аэроплану, ни авиаторам.

Больших успехов достигла другая партия авиаторов. Осмотр аэроплана убедил их в том, что «Богатырь» после небольших исправлений снова, хоть и с грехом пополам, будет годен для полета.

— В путь! Домой! Скорей! — слышались нетерпеливые голоса.

— Тогда все по местам! — скомандовал Вася.

Все путешественники разместились вокруг аэроплана, в то время как Вася занял пилотское место, предварительно заправив бензиновые баки и подготовив мотор.

— Раз, два, три! Дружно берись! — зазвучала команда Сережи, и аэроплан медленно поднялся. Пропеллеры захватили воздух, рванули «Богатырь», и аппарат взмыл кверху.

— Хватайся! — раздался голос пилота, но было поздно. «Богатырь», увлекаемый движением пропеллеров, поднялся отчего-то сразу на десять метров вверх, и протянутые руки товарищей Васи так и остались простертыми к аэроплану. Единственный пассажир аэроплана Вася не в силах был правильно вести свой корабль, и последний все дальше и дальше уходил ввысь и скоро скрылся из глаз.

— Бедные Сережа, Степа, Коля, Ванюшка!.. — плакал командир, вертя не раз бессознательно рули управления. — И зачем это я придумал путешествие на луну. Лучше бы сидеть мне с мамой и папой дома! — печаловался он, не замечая, что с его аппаратом творится что-то худое.

Оказывается, наспех укрепленная парусина на крыле оторвалась, воздух свистал в дыру, и «Богатырь», скользя на одно крыло, падал вниз, не сдерживаемый движением пропеллеров.

— Все погибло! — мелькнуло в сознании Васи, когда он убедился в полной своей беспомощности и ко-

гда падение вниз «Богатыря» шло с громадной, все возрастающей быстротой.

С адским грохотом рухнул на землю воздушный корабль, в мелкие куски разлетелись гондола, каюта, пропеллеры, моторы скрючились, и изломались скрепы, натяжения и планы-крылья «Богатыря», и громадный столб взрытой земли, пыли и дыма покрыл место катастрофы.

Нечеловеческим голосом закричал в последний момент Вася... и проснулся.

— Что с тобой? Что ты кричишь?! — тормошила его мать, приподнимая с пола у кровати, куда свалился Вася во сне.

— Сон что ли увидел нехороший? — смеялся отец, помогая поднять не совсем еще проснувшегося командира «Богатыря».

Только тут Вася немного пришел в себя. Открыл глаза и изумленно обвел окружающих.

Те же комнаты его, знакомые родные добрые лица, его смятая кроватка — все это свое, знакомое, близкое.

— Так это значит был сон? — спросил он родителей. — А где же Маня-Мальчуган, Степа-Мудрец, Коля и Сережа Бухов, Ванюшка, Маруська?

— Как где? — переспросил Александр Иванович.

— Какой Ванюшка и Маруська? — интересовалась Вера Николаевна.

— Товарищи твои, вероятно, спят еще. Вы все так разыгрались на Веселой Поляне, что ты как пришел, так и повалился в кровать.

— И всю ночь метался, кричал, поминал своего «Богатыря», а в довершение всего свалил со столика графин с водой и разлил ее по полу, — подтвердила Вера Николаевна.

Вася улыбнулся, и весь сон представился ему как живой.

— Ну, слава Богу, значит это я во сне пропутешествовал! — и храбрый командир «Богатыря» весело засмеялся, потирая затылок, ушибленный об ножку кровати.

— Мамочка, папа! Больше я не буду строить аэропланов. А уж на луну ни за что не полечу.

И мальчик тут же рассказал свой сон, с которым сейчас познакомились и вы, дорогие читатели.

Повесть «На Луну!» была впервые напечатана в №1-3, 5, 8-12 журнала «Для наших детей» (Москва) за 1914 г. Публикуется по этому изданию в новой орфографии с исправлением ряда очевидных опечаток.

Согласно «Словарю псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова, псевдоним «Авиатор» использовался в 1910-х гг. писателем и журналистом А. С. Грузинским (А. С. Лазаревым, 1861-1927), однако безусловно отождествить его с автором повести не представляется возможным.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.